

MAIN STREET

Коллекция «Деним»

КАТЯ МИЛЛЭЙ

**ОКЕАН
БЕЗМОЛВИЯ**

Москва
АСТ

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7 Сое)-44
М 60

Katja Millay
THE SEA OF TRANQUILITY

Печатается с разрешения издательства Atria Books,
an imprint of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства
Andrew Nurnberg

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Миллэй, Катя.
М 60 Океан безмолвия : роман / Катя Миллэй ; [пер. с
англ. И. Новоселецкой]. — Москва : АСТ, 2015. —
480 с. — (Серия MAIN STREET. Коллекция «Деним»).

ISBN 978-5-17-085277-2

«А я однажды умерла. И смерти я больше не боюсь. Я боюсь всего остального». Чудовищная трагедия заставляет Настю Кашникову скрывать свое прошлое и держать окружающих на расстоянии. Все так и происходит, пока она не встречает Джоша Беннетта.

История Джоша ни для кого не секрет. Те, кого он любил, ушли из жизни, и в семнадцать лет он остался совсем один. У него нет друзей — если твое имя ассоциируется со смертью, тебя все обходят стороной. Все, кроме Насти.

Это глубокий и напряженный роман о том, какое это счастье, если выпадает второй шанс.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-085277-2

© Copyright © 2012 by Katja Millay
© И. Новоселецкая, перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», издание
на русском языке

*В память о моем отце,
ведь это его слова*

ПРОЛОГ

Я ненавижу свою левую руку. Ненавижу смотреть на нее. Ненавижу, когда пальцы спотыкаются и дрожат, напоминая о том, что я лишилась своей индивидуальности. Но я все равно смотрю на свою руку, ибо она напоминает мне и о том, что я намерена убить парня, который отнял у меня все. Я убью парня, который убил меня. И убивать его я буду левой рукой.

ГЛАВА 1

Настя

Один раз умрешь — потом умирать уже не страшно.
А я однажды умерла.
И смерти я больше не боюсь.
Я боюсь всего остального.

Для меня август во Флориде — это жара, удушающая влажность и школа. *Школа*. В школу я не ходила больше двух лет. Если не считать учебной домашнее образование за кухонным столом под чутким руководством мамы, а это, на мой взгляд, не в счет. Сегодня пятница. В понедельник я приступаю к занятиям в выпускном классе, только вот документы еще не подала. Не подам сейчас — в понедельник утром у меня не будет расписания, и, чтобы получить его, придется ждать в канцелярии. А я, пожалуй, предпочла бы избежать киношной сцены из плохого фильма 80-х: в свой первый деньходишь с опозданием в класс, ты последняя, все уже на местах, бросают свои дела, пялятся на тебя. Наверно, это не самое худшее, что могло бы случиться со мной, но все равно приятного мало.

Тетя, вместе со мной, въезжает на стоянку средней школы городка Милл-Крик. Обычная школа, как все. От той, что я посещала прежде, отличается

лишь гнусным цветом стен и названием на вывеске. Марго — она не хочет, чтобы я называла ее тетей, говорит, от этого сразу чувствует себя старухой, — выключила радио, оравшее в машине всю дорогу до школы. Слава богу, ехать недалеко: громкий шум заставляет меня нервничать. Нет, сам шум меня не тревожит — я не выношу *громкие* звуки. Громкие звуки заглушают тихие, а как раз их-то я и боюсь. Сейчас я спокойна, потому что мы в машине, а в машине мне обычно не страшно. Вне машины — другое дело. Вне машины я никогда не чувствую себя в безопасности.

— Мама ждет от тебя звонка, когда мы здесь закончим, — говорит мне Марго. Мама много чего ждет из того, чего никогда не получит. В принципе, позвонить — не такое уж большое дело, но это не значит, что я ей позвоню. — Хотя бы эсэмэску пошли. Всего четыре слова. *Документы подала. Все хорошо.* В конце могла бы и рожицу веселую прилепить — от тебя не убудет.

Я искоса смотрю на нее с пассажирского сиденья. Марго младше мамы на целых десять лет. И полная ее противоположность, почти во всем. Она даже не похожа на нее, и это значит, что на меня она тоже не похожа, потому что внешне я — вылитая мама. У Марго светло-русые волосы и голубые глаза; с кожи не сходит загар, потому что она работает по ночам, а днем дремлет возле бассейна, хотя, будучи по профессии медсестрой, должна бы знать, что лежать на солнце вредно. У меня кожа белая, глаза — темно-карие, а волосы длинные, выющиеся и почти черные. Она — словно сошла с рекламы крема «Копшертоун»; я же будто восстала из гроба. Посмотреть на нас со стороны: ну какие мы родственники? А ведь это — единственное, что можно сказать о нас наверняка.

Марго самодовольно улыбается, знает: если не убедила меня уважить маму, по крайней мере, рас-

тормошила мою совесть. Марго не любить невозможно, как ни пытайся, отчего я ее немного ненавижу, ибо сама я такой, как она, никогда не стану. Марго взяла меня к себе не потому, что мне больше некуда идти, — просто в любом другом месте мне невыносимо. На ее счастье, видеть она меня будет лишь мельком: как только начнутся занятия в школе, мы редко будем вместе дома в одно и то же время.

И все равно, сомневаюсь, что замкнутая озлобленная девочка-подросток — подарок для незамужней женщины тридцати с небольшим лет. Лично я ни за что не согласилась бы взять на себя такую ответственность, но ведь я — не очень хороший человек. Может быть, поэтому очертя голову бежала от людей, которые души во мне не чают. Будь у меня возможность, я жила бы одна. С превеликим удовольствием. Лучше уж быть одной, чем притворяться перед всеми, что у меня все хорошо. Но мне такой возможности не дадут. Поэтому я согласилась жить с тем, кто хотя бы не любит меня так сильно. И я благодарна Марго. Хотя ей этого не говорю. Вообще ничего не говорю. Ничего.

В канцелярии, когда я вошла туда, хаос и суматоха. Телефоны трезвонят, копировальные машины жужжат, шум и гам. К стойке ведут три очереди. Я не знаю, какая мне нужна, поэтому встаю в ту, что ближе к двери, и надеюсь на лучшее. Марго стремительно входит следом за мной и тут же тащит меня в обход всех очередей к секретарю приемной. Ей повезло, что я вовремя ее заметила, иначе в ту же секунду, как Марго схватила меня за руку, она лежала бы на полу лицом вниз, а я коленкой упиралась бы ей в спину.

— Директор — мистер Армор — ждет нас, — говорит она решительно. Марго держится как и подobaет серьезному взрослому человеку. Сегодня она выступает в роли моей матери. Такой я редко ее вижу. Ей милее роль крутой тетки. Своих детей у нее

нет, поэтому она немного не в своей тарелке. Я и не подозревала, что мы заранее записались на прием к директору, но теперь понимаю, что это вполне разумно. Секретарь приемной, неприятная женщина лет пятидесяти, жестом отсылает нас к паре стульев возле закрытой двери из темного дерева.

Нам придется подождать всего несколько минут. Меня никто не замечает, не узнаёт. Мне нравится быть невидимкой. Только вот долго ли это продлится? Оглядываю себя. Одета я не для официального визита. Думала, приду, заполню пару бланков, отдам карту прививок, и дело в шляпе. Никак не ожидала увидеть в канцелярии тучу школьников. На мне джинсы и черная футболка с треугольным вырезом, немного — ну хорошо, сильно — в обтяжку, могли бы быть чуть посвободнее, но в целом одежда вполне заурядная. Вот туфли — да. Тут я постаралась. Черные шпильки. На безумно высоченных каблуках. Двенадцать сантиметров. Ношу я их не для того, чтобы казаться выше, хотя роста мне, конечно, не хватает, — больше для эффекта. Я и не подумала бы их сегодня надевать, но нужно практиковаться. В принципе, я уже гораздо увереннее хожу на каблуках, однако генеральная репетиция не помешает. Не хватало еще в первый же день опозориться на всю школу.

На стене часы. Я смотрю на них. В голове отдается тиканье секундной стрелки, хотя умом я понимаю, что не могу слышать ее ход, когда вокруг такая какофония. Жаль, что нельзя убавить шум в помещении. Меня это приводит в замешательство. Слишком много разных звуков. Мой мозг пытается расчленить их, рассортировать по отдельным кучкам, но это почти невыполнимая задача — гул приборов и человеческий гомон сливаются воедино. Я сжимаю-разжимаю лежащую на коленях ладонь, надеясь, что скоро нас вызовут.

Спустя несколько минут — по мне, так они тянулись целый час — массивная деревянная дверь открывается, и мужчина сорока с лишним лет в галстукке, не гармонирующем с рубашкой, приглашает нас в свой кабинет. Если не обращать внимания на костюм, на вид он вполне ничего. Пожалуй, даже слишком хорош для директора. Тепло улыбаясь нам, он снова опускается в большое кожаное кресло за своим столом. Стол внушительный. Просто огромный для этого кабинета. Явно мебель здесь призвана устрашать, потому что сам директор совсем не грозный. Он еще и двух слов не сказал, а я уже решила, что он по натуре мягкий человек. Надеюсь, не ошиблась. Мне понадобится его поддержка.

Перед столом мистера Армора два одинаковых бордовых кожаных кресла. Я опускаюсь в одно из них. Марго садится в другое и с ходу начинает объяснять мою «уникальную ситуацию». Я слушаю несколько минут. *Уникальная ситуация. Да уж.* Марго продолжает сыпать подробностями. Директор, я вижу, поглядывает на меня. Всматривается пристальнее, с некоторым удивлением во взгляде. В его глазах я замечаю блеск узнавания. Да, это я. Он вспомнил меня. Уехала бы я чуть дальше, ничего этого, возможно, не понадобилось. Мое имя никому бы ни о чем не говорило. Лицо — тем более. Но я всего лишь в двух часах от исходной точки, и, если хотя бы один человек сообразит, кто я такая, я окажусь там, где была. Рисковать нельзя, потому мы и сидим здесь, в кабинете мистера Армора, за три дня до начала учебного года. Можно сказать, в самый последний момент. По крайней мере, это не моя вина. Родители противились до последнего, но в конце концов уступили. В немалой степени благодаря именно Марго. Хотя, пожалуй, сыграло роль и то, что я разбила сердце отца. Ну и, наверно, они все просто устали бороться со мной.

Я совершенно отключилась от разговора, сижу, разглядываю кабинет Армора. Интересного здесь мало: парочка горшечных растений, которые не мешало бы полить; несколько семейных фотографий; на стене — диплом выпускника Мичиганского университета. Зовут его Олвис. Ха! Что за дурацкое имя? Вряд ли оно что-то означает, но позже я непременно проверю. Перебирая в голове различные варианты происхождения имени директора, я вдруг вижу, что Марго достает из сумки какую-то папку и отдает ее мистеру Армору.

Записи врача. Кипа медицинских документов.

Директор их просматривает, а мой взгляд падает на допотопную металлическую точилку с ручкой на его столе. Меня это поразило. Стол дорогой, красивый, глубокого вишневого цвета, не чета стандартным дешевкам, что обычно стоят у учителей. Зачем кому-то водружать на него архаичную точилку? Просто уму непостижимо. Чистейший парадокс. Жаль, нельзя спросить. И я сосредоточилась на регулирующих отверстиях для карандашей, лениво размышляя, влезет ли мой мизинец в одно из них. Очень будет больно, если его заострить? Много будет крови? Новые интонации в голосе мистера Армора заставляют меня прислушаться к разговору.

— Совсем? — Чувствуется, что он нервничает.

— Совсем, — подтверждает Марго со всей возможной серьезностью.

— Ясно. Что ж, сделаем все, что от нас зависит. Я прослежу, чтобы к понедельнику учителя были проинформированы. Она заполнила заявку на факультативные предметы? — И беседа, будто часовой механизм, переключается в то русло, когда директор начинает говорить обо мне так, словно меня вовсе нет в кабинете. Марго вручила ему заявку, он быстро, но внимательно ознакомился с ней. — Я передам это

методисту, к понедельнику для нее составят расписание. Не обещаю, что в нем будут все выбранные ею дисциплины. Почти все классы уже заполнены.

— Да, конечно. Я уверена, вы сделаете все возможное. Мы признательны вам за содействие и, разумеется, рассчитываем на вашу деликатность, — добавляет Марго. Это предупреждение. Молодец, Марго. Правда, думаю, ее угроза на директора не подействовала. И вообще, у меня сложилось впечатление, что он искренне хочет помочь. К тому же, наверно, я вызываю у него чувство неловкости, а значит, скорее всего он постарается встречаться со мной как можно реже.

Мистер Армор провожает нас к выходу, пожимает руку Марго, кивает мне — едва заметно, с натянутой улыбкой, которая выражает жалость или, может быть, презрение. Потом так же быстро отводит глаза. Мы выходим в хаос приемной, директор — следом за нами, просит подождать пару минут, пока он отнесет мои документы в методический кабинет, дальше по коридору.

Я обвожу взглядом помещение и вижу, что несколько человек, которых я заметила раньше, все еще стоят в очереди. Я благодарю Господа — получается, он все еще верит в меня, — за то, что существует предварительная запись. Я готова языком вылизать переносную туалетную кабинку, только бы не торчать лишнюю минуту в этой какофонии. Мы стоим у стены, в стороне от толпы. Свободных стульев уже нет.

Я бросаю взгляд в начало очереди, где некий блондинистый милашка, копия кукла Кен, пленительной улыбкой очаровывает мисс Мымру, которая находится за стойкой. Та вся светится, тает прямо на глазах. И я ее не осуждаю. Он из той когорты красавчиков, которые женщин, наделенных чувством собственного достоинства, превращают в никчемных мяг-

котельх дегенераток. Я силюсь расслышать, о чем они говорят. О должности какого-то помощника. А-а, *ленивый придурок*. Наклонив голову набок, Кен говорит что-то, от чего мисс Мымра смеется и уступчиво трясет головой. Он добился того, за чем пришел. Выражение глаз его чуть меняется. Он тоже это знает. Потрясающе. Почти.

Пока он ждет, дверь снова открывается, и в канцелярию входит смазливая девица нервического вида. Ее взгляд скользит по толпе и наконец останавливается на нем.

— Дрю! — кричит она, пронзительным голосом перекрывая шум. Все поворачиваются к ней. Она будто бы не замечает обращенных на нее взглядов. — Я не собираюсь весь день сидеть в машине! Пойдем! — Девица сердито смотрит на красавчика, а я разглядываю ее. Блондинка, как и он, хотя волосы у нее светлее, словно она все лето провела на солнце. Привлекательная во всех отношениях. Розовый топ с бретелькой через шею, обтягивающий полную грудь; сумка фирмы «Коуч», тоже розовая, по тону один в один с топом. Кажется, ее гнев Дрю забавляет. Подружка его, наверно. Подходящая парочка, думаю я. *Неотразимый Кен, от которого бабы тащатся, и заносчивая принцесса Барби: недостижимые параметры фигуры, модельная сумка, недовольная мина!*

Он поднимает вверх указательный палец, давая понять, что освободится через минуту. Я бы на его месте другой палец показала. При этой мысли я усмехаюсь и, подняв глаза, вижу, что он тоже смотрит на меня и лукаво ухмыляется.

Мисс Мымра у него за спиной что-то быстро черкает на его бланке, ставит внизу подпись. Возвращает ему, но Дрю все еще смотрит на меня. Я кивком показываю на Мымру, удивленно приподнимаю брови. *Ты не хочешь забрать то, за чем пришел?* Он поворачивается к ней, берет бланк из ее рук, благо-

дарит, подмигивает. Подмигивает стареющей даме из приемной! У нее ж, наверно, климакс уже. Ни стыда, ни совести у парня. Прямо образец для подражания. *Почти что.* Мисс Мымра снова кивает и прогоняет его к выходу. *Отлично сыграно, Кен, молодец!*

Пока я коротаю время, наблюдая эту забавную сцену, Марго шепчется с женщиной, как я понимаю, школьным методистом. Дрю, которого мне так и хочется назвать Кеном, все еще топчется у двери, болтая с парочкой ребят, стоящих в конце очереди. Интересно, он специально старается разозлить Барби? По-моему, у него это отлично получается.

— Пойдем. — Марго, вновь появившись рядом, тянет меня к выходу. До двери мы дойти не успеваем.

— Подождите! — останавливает нас звонкий окрик школьного методиста. Все разом оборачиваются к ней. Женщина тычет папкой в мою сторону. — Как произносится это имя?

— На-стя, — по слогам артикулирует Марго, и я внутренне съеживаюсь, остро сознавая, что мы стали объектом всеобщего внимания. — Настя Кашникова. Русское имя. — Последние два слова Марго бросает через плечо, почему-то очень довольная собой. Под прицельными взглядами всех находящихся в канцелярии мы выходим за дверь.

Когда добираемся до своей машины, Марго испускает протяжный вздох облегчения, и ее поведение заметно меняется: она снова становится той Марго, какой я ее знаю.

— Что ж, с этим разобрались. Пока, — добавляет она. Потом ее губы расплываются в типично американской ослепительной улыбке. — Мороженое? — спрашивает Марго, да таким тоном, будто ей оно необходимо больше, чем мне. Я улыбаюсь, потому что в 10.30 утра ответ на этот вопрос только один.

ГЛАВА 2

Джош

Понедельник, 7.02 утра. Бессмысленность. Бесмысленным будет сегодняшний день, равно как и все остальные 179 дней школьного учебного года. Я бы подумал на эту тему сейчас, будь у меня время, но времени нет. И так наверняка опоздаю. Иду в постирочную, достаю кое-какую одежду из работающей сушилки. Забыл включить ее вчера вечером, а ждать, когда она досушит белье, недосуг. Натягиваю на ходу влажные джинсы, пытаюсь не запутаться в штанинах и не навернуться. Ладно, бог с ним. Чего тут удивляться?

Хватаю из шкафа кружку, наливаю кофе, стараюсь не расплескать его по всему столу и не обжечься. Ставлю ее на кухонный стол, рядом с коробкой из-под обуви, забитой аптечными склянками. Из своей комнаты как раз выходит дед. Его седые волосы всклокочены: он мне сразу напомнил чокнутого ученого. Передвигается он подозрительно медленно, но я знаю, что не следует спешить ему на помощь. Он этого не выносит. Прежде он был крутой мужик и теперь переживает, что силы уже не те.

— Кофе на столе, — говорю я, хватая ключи и направляясь к выходу. — Таблетки твои выложил, все их записал. Билл будет через час. До его прихода один справишься?